

4. Копотев М.В., К, Стексова Т.И. Исключение как правило: переходные явления в грамматике и словаре. — М.: Языки славянской культуры, 2016. — 168 с.
5. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения [Учебное пособие]. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. — 288 с.
6. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 377 с.
7. Шмелев Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // ВЯ. 1960. № 5. С. 47-60.
8. Янко-Триницкая Н. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXVIII / Гл. ред. Д. Д. Благой/. — М.: Наука, 1969. — С. 429-436.

ТОПИКАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЕНТОВ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

К.Л. РОЗОВА

Тверской государственной университет», г. Тверь

В статье рассматриваются проблемы актуального членения экзистенциальных предложений.

Ключевые слова: экзистенциальное предложение; синтаксис; предикация; тема; рема; актуальное членение.

CONSTITUENT TOPICALISATION OF THE EXISTENTIAL SENTENCES

K.L. ROZOVA

The article observes the problem of actual division of the existential sentences.

Key words: existential sentence; syntax; predication; theme, rhem; actual division of the sentence

Противостояние актуального и формального синтаксиса отнюдь не ново для современной грамматики: коммуникативное, актуальное, смысловое, коммуникативно-смысловое или информационное членение, познавательная установка говорящего, дуга напряженности, нарастание динамизма к концу высказывания и т.п. выступают стандартными

противочленами подлежащему и сказуемому, лексическому подлежащему и сказуемому, основе (поводу) высказывания и высказыванию, теме и реме, топику и комментарию, данному и новому, «скопусу» и фокусу (в работах В.Г. Адмони, И.Ф. Вардуть, В.А. Калмыкова, Ч.Н. Ли, М.А.К. Хэллидэя, У. Чейфа и многих других). При этом элементы упомянутых двучленов могут исследователями как отождествляться, так и существенно дифференцироваться. А связь между обоими компонентами некоторые лингвисты приравнивают к предикативной или рассматривают ее как одну из двух сторон актов предикации – виртуальной или актуальной (В.Г. Адмони, П.В. Чесноков, Н.А. Слюсарева, В.И. Юганов и др.). Но сам вопрос о вторичной природе актуального членения, его «надстроенности» над формальным синтаксисом, т.е. субъектно-предикатным членением предложения, представляется весьма проблематичным [3].

Нам представляется логичным рассматривать подлежащно-сказуемую структуру предложения как поверхностную реализацию тема-рематического членения, т.к. последняя, с одной стороны, обладает относительной структурной автономией, но в то же самое время, с другой стороны, опирается на грамматические показатели подлежащего и сказуемого для поиска глубинных темы и ремы. В этой связи многие исследователи вообще отождествляют субъектно-предикатное и тема-рематическое членение, полностью отказавшись от первого в пользу второго: все то, что ранее писалось и говорилось о предикации и предикативной связи, такие исследователи, как С.Д. Кацнельсон и В.Б. Касевич, переносят на компоненты тема-рематической конструкции.

Большинство различных подходов к рассмотрению проблем тема-рематического членения объединяет один существенный момент: под актуальным членением понимают деление высказывания на сегментные, линейно следующие друг за другом отрезки.

И.П. Сусов отказался от тема-рематического членения предложения, первым заговорив о модификационной операции выделения – проминенции, которая ведет к осложнению семантической структуры предложения. Базовая точка данной теории заключается в том, что наличие какого-либо выделенного конституента является показателем возникновения двух реляционных (или пропозициональных) структур вместо одной. Например, высказывание «**Муж** уехал в Тверь» можно представить в виде однокомпонентной пропозициональной структуры «*x* поехал в Тверь», где *x* – муж. В двухкомпонентном варианте реляционной структуры то же самое высказывание «Муж уехал **в Тверь**» предстает в следующем виде: «Муж уехал в какой-то пункт. Этот пункт – Тверь» [4].

Некоторые исследователи, такие как М.А.К. Холлидей и И.П. Распопов, считают данное явление собственно языковым и относят его к синтактико-языковым вариантам. Другие лингвисты, например Ф.А. Данеш и М.И. Стеблин-Каменский, склонны рассматривать его как элемент речи супрасинтаксического уровня, основной единицей которого является высказывание. А оно, в свою очередь, предполагает наличие таких компонентов, как конкретный говорящий и слушающий, включенные в конкретную языковую ситуацию. Причем ситуация общения рассматривается как обязательный компонент коммуникативного контекста [3].

Если рассматривать проблему топикализации именно экзистенциальных предложений, то нам привычнее использовать термины *тема* (и *топик*) для обозначения компонента высказывания, который во многих языках чаще всего остается немаркированным, и термин *рема* для обозначения его противочлена, который в большинстве случаев маркирован. Соответственно, процедуру маркирования (формального выделения) рематического конституента высказывания логично номинировать *рематизацией* (или *фокализацией*, поскольку суть процедуры

– выделение фокуса, или помещение в фокус). Точно так же в случае формального маркирования тематического (топикального) конституента синтаксической структуры можно говорить об операции *тематизации* (или *топикализации*).

В соответствии с основными постулатами актуального членения, тематизация определенного конституента в линейной структуре предложения может проявляться в начальной синтаксической позиции и в более слабом ударении на фоне акцентного выделения рематического компонента. В свою очередь, рематизация (или фокализация) чаще всего предполагает помещение тематического компонента в конечную линейную позицию в предложении (или синтагме, по Л.В. Щербе) и акцентное выделение. В некоторых языках существует специальный грамматический показатель ремы. Например, в японском языке рематизация маркируется морфологическим показателем — аффиксом *-га*: «*Каминари-га отита*» («Ударил молния») [3].

Зачастую в нейтральных высказываниях лингвисты отмечают возможность совпадения функций субъекта и темы в одном конституенте, а предикативной и рематической функций — в другом компоненте. Некоторые исследователи вообще отождествляют функции субъекта и темы, предиката и ремы.

Применяя общую теорию к конкретной ситуации экзистенции, ряд ученых допускает возможность приписывания бытийным высказываниям свойства суждения в аристотелевском смысле. В этом случае субъектом предложения признается весь мир или некий его фрагмент, а предикатом считается указание на наличие в мире объектов определенного денотата: упрощенная структура бытийного предложения предстает в виде «бытийный глагол + имя». При этом смысловое членение данного типа высказываний должно проходить не там, где его предполагает формальный синтаксический анализ, например: *В том автобусе были /

дети. – В том автобусе / были дети. То есть мы опираемся на возможность различного членения одной синтаксической конструкции, но в рамках двух разных высказываний. Хотя в обоих примерах рематически выделяются экзистенсивные субъектные конститuentы, во втором случае – в сочетании с предикаторным конститuentом.

Другие лингвисты рассматривают рему бытийных предложений как «утяжеленную», двусоставную, в обязательном порядке включая в нее глагол бытия и имя бытующего предмета, тогда как темой предложения выступает локализатор. В подобных случаях достижение коммуникативного равновесия двух компонентов предложения приписывается двусоставности ремы: один компонент утверждает факт существования, другой несет таксономическую нагрузку, например: «В нашем доме / поселился замечательный сосед».

Но с актуализацией одного из составляющих – глагола или имени – коммуникативное равновесие утрачивается; например, в бытийном вопросе ответная реплика распадается на два высказывания: «У тебя сейчас кто-нибудь есть? – Да. Подруга зашла в гости». Односоставность ответа реализуется в эллиптическом варианте «Да» / «Нет».

Но рема по определению динамичный, подвижный конститuent. На практике объектом рематизации может быть любой элемент линейной структуры бытийного предложения, при этом создается потенциальная возможность построения парадигматического класса номинатем и запрещения выбора из этого класса любой другой номинативной единицы в качестве противопоставляемой. Таким образом, фокусируется выделяемый конститuent, остальное остается в тени, например: (1) **В группе** есть отличники. – (2) В группе **есть** отличники. – (3) В группе **есть отличники**.

В (1) локатив является рематическим конститuentом, что влечет за собой невозможность использования любой другой номинатемы вместо

него: **В группе** (но не *в школе, университете, классе* и т.д.) есть отличники. В (3) рематизация экзистенсивного конституента запрещает выбор из класса возможных номинатом: В группе есть **отличники** (но не *хорошисты, хулиганы*, т.п.). Тогда как в (2) рематизирован предикатор; но и в этом случае запрещается выбор альтернативных субститутов: В группе **есть** отличники (но не *были, будут*, т.д.).

Поскольку рематизируется чаще всего конечный элемент фразы, использование линейных способов выражения рематической функции может привести к изменению статуса предложения с бытийного на локативный или идентифицирующий, как например в следующих высказываниях: Деньги есть **в банке**. / **В банке** есть деньги. Акцентное выделение локации в качестве ремы переводит бытийность из разряда утверждения в сферу пресуппонирувания, т.к. бытийное значение в них не поддается ассерции, а именно значение ассерции обязательно для отграничения пропозиции от пресуппозиции. Подвергнув рематизации номинатому, мы тем не менее сохраняем в глубинной структуре идентифицирующую часть: **Деньги** есть в банке. / В банке есть **деньги**. Таким образом, рематическое выделение позволяет рассматривать каждое высказывание как реализацию двух пропозиций: 1) «В банке есть нечто. Это нечто – деньги»; 2) «Деньги есть в каком-то месте. Это место – банк». Разное прочтение относительно схожих высказываний позволяет утверждать, что перед нами два разных высказывания, каждое из которых содержит экзистенциальную и идентифицирующую части. Но приоритет семантики предложения зависит от рематического конституента [3].

Таким образом, в экзистенциальных предложениях рематизация обязательно включает в себя сему отрицания, имплицитно таким образом невозможность замены выделенного элемента любым другим из набора альтернативных субститутов. Кроме того, рематизация ведет к снятию ассертивного компонента в бытийной части высказывания и имплицитно

переход от ассерции к пресуппозиции, и только вторая часть высказывания – утверждение тождества – характеризуется ассерцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., Наука, 1988. – 309 с.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., Наука, 1972. – 213 с.
3. Розова К.Л. Бытийные предложения [Диссертация]: 10.02.19. Тверь, 1997. – 123 с.
4. Сусов И. П. Семантическая структура предложения [Диссертация]: 10.02.19. – Тула, 1973. - 418 с.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ

И.А. СТЕПАНОВА

Удмуртский Государственный Университет, г. Ижевск

В статье рассматриваются теоретические аспекты, связанные с описанием языковой личности как носителя когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость.

Ключевые слова: языковая личность, когнитивный стиль, стиль мышления, полезависимость/полenezависимость, психология.

LINGUISTIC IDENTITY IN THE LIGHT OF THE COGNITIVE STYLE THEORY

I.A. STEPANOVA

This article deals with the theoretic aspects related to the description of linguistic persona with field dependence and field independence cognitive styles.

Key words: linguistic personality, cognitive style, styles of thinking, field dependence and field independence, psychology.

Языковая личность – человек, существующий в языковом пространстве — в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в